

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

© 1995 г., ЭО, № 2

И. В. В л а с о в а

НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РУССКОГО СЕВЕРА (XII—XX вв.)

В силу исторических и экономических условий Европейский (Русский) Север сформировался как единая историко-культурная зона. Здесь издавна расселились русские, саамы, ненцы, карелы, вепсы и коми. В этой зоне определенное исключение составляют ненцы — выходцы из Западной Сибири и саамы, которые несколько обособлены. Остальные народы обнаруживают много сходных черт в культурном развитии.

Самый многочисленный из народов Европейского Севера — русские. Исторический процесс их формирования на этой территории охватывает время с XII по XVII в. Он проходил параллельно с освоением славянами северных пространств и отличался большей или меньшей интенсивностью в различные периоды этнической истории края.

Нас интересуют центральные районы Севера: это территория Вологодской губернии второй половины XIX—начала XX в. и с некоторыми изменениями — современной Вологодской обл., иначе — Вологодского края с землями, исторически тянущими к Вологде. Этническая история Вологодской земли неотъемлемая от общей этнической истории Русского Севера. Уже на ее начальных этапах выявляются контакты населения всех регионов Севера как между собой, так и с населением Прибалтики, Волго-Окского междуречья и Северного Урала. Принимая участие в историческом процессе сложения и консолидации русского народа, севернорусское население, в том числе и вологодских земель, внесло свой вклад в создание общенародной культуры, ее северного варианта.

Характеристика населения в этнографическом отношении, представленная в статье, является первым итогом полевых работ и архивных изысканий, проводимых коллективом группы Исторической этнографии ИЭА РАН в 1980—1990-е годы. Эту работу можно рассматривать как завершение цикла исследований о взаимосвязях народной культуры русских Европейского Севера, Урала и Сибири.

Данные о начальном периоде заселения Севера славянами появились в XI—XII вв. в скандинавских сагах, в датской и англосаксонской хрониках о походах скандинавов на Север и взаимоотношениях их с местными жителями-биармийцами (низовье Северной Двины), а также в древнерусских летописях, повествующих о начале славянского расселения по Северу и о встрече с племенами меря, весь, пермь, печора, ямь, чудь заволочья, угра, которых летописи называют собирательно «чудью», «чудскими племенами». Центральные области Севера (будущие вологодские земли) занимали весь и чудь: «... а на Белом озере сидит весь»; «... И посади Светослав сына своего Глеба... и бежа за Волок (район Двины-Онеги — И. В.) и убиша чудь»¹.

Первыми славянами на Севере были новгородские словене и кривичи. Проникнув из Прионежья в Беломорье, а через Онегу и Емцу в Нижнее Подвинье, новгородцы попали в Заволочье, т. е. в бассейн Верхней и Средней Двины, верхней Ваги и Сухоны (будущая Вологодчина). Сюда же их привел и путь со стороны Белого озера через Вологду на Сухону, где в середине XII в. они встретились с движением из междуречья Волги и Оки, из Ростово-Суздальской

земли («снизу» по отношению к Новгороду, поэтому выходцев из нее называли «низовцами»). Последние шли в Заволочье по средней Сухоне, мимо новгородского пункта Тотма, далее севернее на Вагу и Кокшеньгу и восточнее по Сухоне к Устюгу².

Итак, первые, с кем славяне вступили в контакт, были племена веси, занимавшей вместе с другими чудскими племенами центральные области Севера. Весь на Белом озере попала под княжение варяга Синеуса, брата Рюрика. Но уже в X—XI вв. Белозерье и места юго-западнее его по Мологе, Суде, Колпи, Шексне становятся славянскими, чередующимися с поселениями аборигенов или вклинивающимися в них. Часть веси (белозерско-шекснинская) уже в X в. была ассимилирована и включена в состав древнерусской народности. Весь по Суде сохраняла свою этнотерриторию дольше, и ассимиляция ее потомков, затянувшись, идет до сих пор³.

О ранних контактах с чудью в «варяжский период» истории Вологодчины (XI—XII вв.) есть археологические данные (могильник Корбала в низовьях Ваги и др.), а также свидетельства в местных легендах, преданиях — фольклоре, сохранившемся до XX в. В одном из стихов, бытовавших в Белозерье, где у д. Росляково, по преданиям, находилось захоронение Синеуса («Синеусов курган»), говорится⁴:

Вон Белое озеро...

Когда-то варяги оттуда пришли...

Как праотцы наши словени-народ

Изгнаши варяги и сами к себе

Почаши владети...

Понеже варяги — пришельцы те суть

И Русь наречется земля и народ,

А преже ко беша Словени и Чудь...

С тех далеких времен сохранились и существуют поныне два селения в Вологодской обл. В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича новгородскому митрополиту в 1137 г. названы Тудоров погост (теперь д. Тудозерский Погост в Вытегорском р-не) и Векшеньга (ныне д. Воробьево, значившаяся как «д. Векшеньга, а Воробьево тож», в Междуреченском р-не).

Начиная с XIV в. летописи отражают перенесение соперничества новгородских и «низовских» феодалов на землях бывших чудских племен с крупных речных путей в глубинные районы Севера. Опорным пунктом «низовцев» становится Устюг Великий. Оттуда им удается проникнуть на Вычегду и Вымь. Безраздельным становится их господство и в Важской земле. Граница между новгородскими и ростовскими владениями на Севере к XIV в. была отодвинута с водораздела Кострома — Сухона севернее, на водораздел Сухона — Вага. С Сухоны низовцы пошли через Юг и Молому на Вятку и севернее на Вычегду, в Печору и в Пермь. В Нижнем Подвинье и Беломорье новгородцы долго оставались сильными⁵.

В эту борьбу уже в XIV в. стали вмешиваться московские князья. В 1478 г. Москва положила конец соперничеству, сломив Новгород и включив его земли в состав Московского государства.

Понимание основных проблем этнографии Русского Севера невозможно без ответов на поставленные вопросы: когда, какими путями, в силу каких причин славяне стали продвигаться на Север, с кем они встретились, каковы были характер и последствия этих контактов? До XII в., по-видимому, могло иметь место проникновение сюда только отдельных групп славян. Постепенно в Обонежье, Южном Беломорье и Нижнем Подвинье утвердились группы «новгородского происхождения». На Верхней Двине, в Белозерье, на Сухоне в XIII—XV вв. укрепились «низовцы». На Ваге, Пинеге и Мезени долго сохранялось местное финноязычное население, особенно на водоразделах (до XVI—XVII вв.), а Печорская и Вятско-Пермская земли заселялись русскими позднее, с конца XVI в. В ходе

такого продвижения происходило не только соприкосновение народов, но и славянское «обтекание» территорий иноэтнотосов, смешение с ними, ассимиляция их отдельных групп.

Исторические судьбы северных народов становятся общими в XV—XVI вв. после вхождения их в состав Московского государства. Именно с этого времени начинается новый этап этнической истории русского населения северных областей. По источникам XV—XVI вв., жители севернорусских районов известны под своими областными наименованиями: двиняне — жители Двины, устюжане — жители Устюжского края, важане — жители Ваги, сухонцы — жители Сухоны и т. д. Существование и одинаковое развитие в рамках единого государства привело к формированию общих черт в их материальной и духовной культуре. Но сохранилась и некоторая специфика, что было связано с различным происхождением населения отдельных районов. Двиняне, устюжане, сухонцы, кокшары, важане, южане, вычегжане, белозерцы несколько отличаются друг от друга в этническом отношении. Двиняне на нижней и средней Двине, важане на нижней Ваге близки по происхождению к новгородцам. Двиняне на верхней Двине, кокшары, сухонцы, южане были более связаны с «низовцами». У вычегжан на нижней Вычегде, живших в древности в близком соседстве с предками коми, можно предполагать влияние последних⁶. Локальные различия, сложившиеся в процессе культурного развития жителей разных районов Севера, зависели не только от особенностей природных условий, специфики хозяйства районов, но и от определенных этнических традиций. Новгородцы и ростовцы, которые участвовали в формировании русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее с этнической точки зрения имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения. В результате у местных русских групп сложились и долго сохранялись специфические черты в народной культуре. Об этом свидетельствует история и культура локальных групп русских на Севере — поморов, устьицелюмов, пустозёров. На Вологодчине к таковым с некоторой точки зрения можно отнести «кокшаров» — жителей Кокшеньги, а в целом — и жителей западной и восточной половин Вологодской земли. Вернее, в трех вологодских зонах ранние этнические процессы имели разный характер: в западных районах с древнейших времен шло взаимодействие славян и западнофинских групп населения; в центре произошло столкновение двух славянских потоков — новгородского и ростово-суздальского, результатом чего и явилось формирование своеобразной группы населения в Важском бассейне (кокшаров); в восточных районах края славяне пришли во взаимодействие с восточнофинскими группами.

Таким образом, в формировании русских Севера, и Вологодчины в том числе, участвовали компоненты, связанные как с двумя потоками славянского продвижения — с новгородцами и ростово-суздальцами, так и с аборигенами — финно-уграми. Решающую роль в сложении историко-культурного типа у населения Севера сыграло освоение земель славянами и раннее вхождение в состав Древнерусского государства. Северное население впитало в себя традиции славянской культуры Новгородской и Ростово-Суздальской земель, впоследствии Московского государства. Но в его формировании огромную роль сыграли и предки финно-угров, населявшие Европейский Север до славян. К XVII в. севернорусское население сложилось в своеобразную этнотерриториальную общность, обладающую определенными культурно-бытовыми отличиями. Дальнейшее развитие традиционной культуры северян в XVIII—XIX вв., деформации отдельных напластований, усложнения не изменили в целом ее облика. Сформировались ее общие черты, определились локальные варианты, установились традиционные связи, процесс адаптации к северным условиям завершился. Это было время, когда на всей территории расселения русских уже шел процесс выработки общерусских (в XVIII в. — общенациональных) связей и особенностей народной куль-

туры. Важно отметить, что ее формирование шло не на давней центральной, а на периферийной территории государства. Сходные процессы происходили и при продвижении русских в другие европейские и азиатские регионы. Таким образом, севернорусское население, особенно XIX—XX вв., не является этнотерриториальной общностью, сохранившей свои архаические особенности, восходящие к племенным различиям древнерусского периода. Это общность, сложившаяся относительно поздно, когда в этнокультурном развитии народа уже намечалась тенденция к постепенному снятию локальных различий.

XVII в. явился важным рубежом в развитии всего Русского государства. Происходило налаживание экономических связей, обусловленных разделением производства между отдельными областями, ослабление обособленности народов. Это определило постепенное сглаживание культурных этноособенностей и у русских Севера. К XVII в. освоение основных северных районов закончилось, прекратился массовый приток населения извне и начался отлив севернорусского населения в необжитые районы государства. В конце XVI—XVII вв. выходцы из Русского Севера заселяли районы Вятки, Перми и начинали проникать за Урал в Сибирь.

Итак, в итоге расселения славян в северных районах с XII по XVII вв. сложилась современная этническая карта Севера. На основной его территории сформировалась русская народность, вернее, одна из составных ее частей — севернорусская группа, а на окраинах — ее соседи — народности финно-угорского происхождения. Поскольку освоение и заселение Севера происходило в форме массовой народной колонизации, заложившей уже на начальных этапах мирные отношения с финно-угорским населением, здесь никогда не случалось межэтнических распрей. Такой феномен — мирное сосуществование народов — характерен и для настоящего времени.

После прекращения массового притока населения на Север к XVIII в. здешние миграции ограничивались перемещениями внутри северных уездов и губерний. Немногочисленные приселения из соседних с Севером мест, где к этому времени также сложилось русское население, не меняли его этнического состава и не вели к возникновению новых этнических связей. Миграции отсюда окончательно «затухают» к XIX в., уход населения становится ничтожным⁷, а к концу XIX — началу XX в. состав населения центральных районов Севера стал довольно однородным. По данным 1897 г., русские в Вологодской губернии составляли 91,23% населения, коми-зыряне — 8,57% (на северо-востоке губернии), финны и карелы — 1,39% в Вытегорском уезде, входившем тогда в Олонецкую губ., и 0,65% — в Белозерском уезде, бывшем в составе Новгородской губернии. Несмотря на наличие финских народов, русские в западных уездах (Белозерском, Кирилловском, Устюженском, Череповецком) составляли более 99% населения. В первой четверти XX в. они преобладали по численности во всех районах бывших вологодских земель (более 99%), на западе среди них жили вепсы (1,5% в Череповецком р-не), карелы (0,3% там же), на востоке коми-зыряне (0,1% в Устюжском р-не⁸).

За период с 1917 по 1980-е годы, этносо состав населения центральных районов Севера мало менялся, хотя перепись 1989 г., наиболее полно отразившая демографические процессы, имевшие место в последние десятилетия, выявила в Вологодской области представителей 51 народа. Такой итог был результатом и миграций послевоенных лет, и расширения брачных связей населения. Другим демографическим итогом этого периода явился сильный отток населения из деревень в города, переселения людей по вербовкам на разные работы, и в целом сокращение численности населения во всех районах Русского Севера. Немалую «лепту» в обезлюдение Севера внесли государственные проекты и стройки («Рыбинское море», проект «Неперспективные деревни», проект «Переброски стока северных рек»). Но несмотря на последствия этих мероприятий, русские оставались основным народом Севера (в Вологодской области они составляли 96,47% населения)⁹.

В настоящее время еще более «набирает силу» сокращение доли русских по

всей стране, включая и Русский Север. Здесь, как во всем Нечерноземье, за годы советской власти шла деградация сельского хозяйства, пустели деревни и села — «эти вековые отчины», гибли сельскохозяйственные угодья; остановить этот процесс пока не удается и нынешними реформами.

В таких условиях шло развитие севернорусского населения в XII—XX вв. Несмотря на однородность этого населения в этническом отношении, к XIX в. можно уловить отдельные различия в нем, обусловленные его разной этнической историей. Древнейшее население Русского Севера формировалось при контактах славян с предками финно-угоров. До IX—XI вв. сведения о таких контактах весьма скудны. Многочисленны лишь народные предания о славянах и чуди. И как предания, так и научные данные позволяют заключить, что формирование населения шло путем «синтеза славянских и финно-угорских компонентов»¹⁰.

Соотношение компонентов зависело от характера славянской колонизации земель и этнических процессов в них. Когда в XII—XV вв. вместе с феодальными захватами шло массовое крестьянское заселение Севера, происходила быстрая ассимиляция местного финно-угорского населения. В пределах Вологодского края это произошло с территориальной группой «белозерцев». Упомянутая весь по Белоозеру и Шексне в X в. была ассимилирована славянами. Археологические находки в районах Белозерья-Лачезера свидетельствуют о единой уже тогда обрядовой практике и финно-угров, и славян. Быстрая ассимиляция финно-угров славянами и сложение славянского состава населения произошло в районах по Двине, Ваге, Сухоне, Шексне, где у населения сформировались антропологические типы, присущие славянам: 1) ильменско-беломорский (по М. В. Витову), распространенный в Заонежье, Нижнем Подвинье, Белозерье, а в пределах Вологодчины — в Мологско-Шексинском крае (по пути новгородцев на Сухону); 2) верхневолжский — от Белозерья до Устюжского края на путях проникновения на Север населения с верхней Волги и из центральных русских районов.

Другим характер ассимиляционных процессов был в местах, где в XII—XV вв. феодальные захваты завершались лишь установлением власти феодалов над населением и не сопровождались массовым крестьянским проникновением из Новгородской или Ростово-Суздальской земель. Там шла медленная и постепенная ассимиляция местных жителей пришельцами-славянами. Такой характер этнических процессов в пределах вологодских земель наблюдался в Судском районе, где обрушение потомков веси-вепсов затянулось до сих пор. По крайней мере, в XVI в. весь здесь была двуязычной, т. е. не потеряла своего языка. Длительность ассимиляции привела к формированию у населения водоразделов и окраинных территорий так называемого «онежского» антропологического типа (по М. В. Витову), четко выявляющегося у карел и вепсов, а у русских — по Онеге, верхней Пинеге, верхней Тойме, верхней Сухоне, Вычегде. Этот тип отличается от славянских ильменско-беломорского и верхневолжского наличием «лапоноидных признаков» (по Н. Н. Чебоксарову) (уплощенность лица, развитие складки верхнего века, малый волосной покров лица и др.).носителем лапоноидного типа являлось средневековое «чуждое население», которое генетически было связано с неолитическими обитателями лесной полосы, обладавшими, по данным археологии, известной ямочно-гребенчатой керамикой.

Соперничество Новгорода, Ростова, Москвы на этой территории также оставило свой след. Оно отразилось в разнообразных особенностях крестьянской культуры и физического облика у жителей вдоль северных рек, преимущественно Сев. Двины и Ваги, но главным образом это разнообразие, отражавшее взаимное проникновение компонентов, чувствуется на территории от устья Емцы до истоков Ваги и Сев. Двины. Перевес московского проникновения на Север со второй половины XVI в. закрепил антропологическое и этнографическое своеобразие этих северных районов.

Ассимиляционные процессы — свидетельство мирного характера славянской колонизации Севера. Они проходили быстрее, когда при хозяйственном взаимодействии народов получали распространение смешанные браки. О смешении

новгородцев с «чудинками» говорят предания жителей Андангских починков (место новгородского Анфалова Городка). Тесные родственные связи в течение веков развивались путем этносмешений у местных финно-угров и славян по Сухоне в районе будущей Шуйской волости, так что эти народы, по местному выражению, «слились в один народ». В олонечких деревнях (Вытегорский р-н) бытовали предания «о брачующихся крестьянах с финскими девицами». Со временем русские появлялись в неосвоенных местах с семьями, и тогда смешения с финнами не было. Следы смешений стали стираться на пространстве от Водлозера к Каргополю.

Географические условия Севера способствовали процессам ассимиляции и этносмешениям, которые были заметнее у жителей речных бассейнов, где шла колонизация земель, а позднее по трактам, где происходило освоение глубинных районов. Сближению этносов и обрусению северных народов способствовали и торговые связи. В глухих же лесных пространствах ассимиляция почти не наблюдалась, ибо там финно-угры отступали в глубь территорий, не входя в контакты со славяно-русскими пришельцами, что наблюдалось преимущественно при «кочевом» образе жизни аборигенов. Взаимным контактам народов в XIII—XIV вв. способствовала и общность религиозных верований. Ранее обращение карел и коми в христианство, их просвещение, превосходство славян по культурному уровню — все это сыграло не последнюю роль в «поглощении» предков финно-угров еще древнерусской народностью, а затем — в XV в. и русскими.

Наконец, демографический фактор тоже содействовал этому. Любой этнос в окружении превосходящего по численности другого этноса неизбежно «поглощается» последним. Им было русское население Севера. Но там, где русские оказывались в меньшинстве, они утрачивали свою народность, переходя на язык преобладающих их по численности народов, заимствуя их культуру (русские на Удоре-Вашке, в Якутии, на Колыме, в Индигирке и т. п.).

Наряду с антропологическими показателями, для изучения процессов ассимиляции славяно-русскими пришельцами местных финно-угров важным представляется лингвистический материал — данные диалектологии и ономастики¹¹. Дофинский слой северной топонимии, изученный наиболее слабо, имеет связь с еще индоевропейской топонимией. Он прослеживается по Двине, Ваге, Модлоне, Свиди (между Лаче и Воже озерами). Этот слой в северной топонимии достаточно слаб, так как подвергся позднейшей «финнизации». Наречия древнего Заволочья (центральных районов Севера) «возникали в языках, характер которых был обусловлен их географическим положением между прибалто-финскими и саамскими наречиями, с одной стороны, и восточно-волжскими (мари) — с другой». Поэтому в топонимии Заволочья этот прибалто-финский-саамский-волжский слой можно легко обнаружить. Примеры таких топонимов многочисленны: залив *Ошингерь* в Устьянском районе связан с марийской *Ошеньгой*, *Ошугой*, саамские *Яхреньга*, *Мехреньга*, *Ягрема*, *Няндомы* близки к марийским топонимам на *-ер*, *-иар* (озеро) и др. Но под этим топонимическим слоем есть слой, созданный этносами, языки которых промежуточны между прибалто-финско-саамскими и волжско-финскими языками, а прибалто-финско-саамско-волжский слой возник уже при переселении на Север из Волго-Окского междуречья групп, которые сменяли и ассимилировали друг друга, оставив память о себе в субстратной топонимии Севера. Так или иначе, этот севернофинский слой наличествует в топонимии всех северных народов, а его черты — свидетельство контактов славян и чуди. Современная северная топонимия несет в себе следы всех этих напластований (финские *Ихалица*, *Воя*, карельские названия на *-лахта*, вепско-прибалтийские *Вья*, *Пинега*, вепские *Химанево*, *Бонга*, *Бохтюга*, *Бохтеньга*, саамские *Кумасолово*, *Обосолово* и названия на *-нюхч*, *-чухч*, *-нема*, коми-названия *Вежаюга*, *Пермца*, *Пермас*). Некоторые фамилии местных жителей, происходившие из языков финно-угров, стали здесь этнонимами: Буртасовы — от «буртас» (название чувашей до их христианизации), Мордвиновы — от «мордвин».

Говоры Русского Севера — бесспорное свидетельство формирования местного населения путем синтеза различных этнокомпонентов. И по данным языкознания, в древности на Севере обитали финно-угорские народы — прибалто-финны карело-вепского типа и древнепермяне, которые не являлись непосредственными предшественниками карелов, вепсов, зырян, а были их далекими предками. Заволочье (вологодские земли) принадлежало карело-вепским племенам, промежуточным между прибалто-финскими и пермскими племенами, говорившими на языке с топонимией на *-нга*.

Все северные говоры составили в течение веков северное «окающее» наречие (в отличие от южного «акающего»), в котором оформились отдельные группы говоров. В каждой группе есть как общесеверные (и даже общерусские) черты, так и местная специфика¹². По выражению К. Свистунова — исследователя Кокшениги, в диалектном отношении там «обильно своими словами, выражениями». И такое обилие можно найти в любом из районов края.

Специфика местных говоров создавалась еще до XVI в. Она явилась результатом «противоборства» новгородского, ростово-суздальского и московского говоров, происходившего вместе с продвижением их носителей на территорию Севера. Позднее северные говоры обособились, сохранив черты тех или других, как, например, архаическое новгородское «цоканье» или возникший под ростовским влиянием переход одних звуков в другие (Ѹ в е, Ѹ в о при произношении и); «оканье» и др. Новгородское «цоканье» в «окающих» говорах (его нет в ростово-суздальских землях) развилось главным образом на юге Севера и верхней Волге (Шексна, Сить, Молога, Белозерье, Кологрив, Ветлуга — до Владимирской губ.). Неокающие говоры «прошли» на северо-запад от Тихвина до Белоозера. Нивелировка же новгородских и ростовских черт в языке шла в центральных районах Севера, но на его западе долго сохранялась архаика и в то же время отмечалось западное влияние (еще в древние времена было слабое проникновение населения с запада).

При сохранении местных особенностей языки всех северных народов постоянно взаимодействовали. Наиболее сильным было влияние на финно-угорские языки русского языка. Особенно оно сказалось в конструкции карельской и коми речи. Но некоторые заимствования из этих языков были и в севернорусской речи, главным образом в лексике. Из финно-угорских языков перешло ударение в словах на первый слог. Появилось и некоторое «неправильное» произношение звуков при переходе одних в другие. Много таких заимствований прослеживается в речи русских на западе Вологодского края (Вытегра, Каргополь) и на северо-востоке (Сольвычегодск). Словообразующие модели многих этнотерминов имеют сходство у русских, коми, вепсов, карел, а некоторые из них — финно-угорского происхождения: *бугра* — земляника, *каржаки* — сапоги, *каска* — подсека, *кердега* — сеть, *курник* — рыбный пирог, *ламба* — озеро, *мёрда* — рыболовная снасть, *мутник* — невод, *себра* — община [от *seura* (фин.) — артель], *сельга* — гора, *чича* — сестра и др.

Таким образом, данные языка и топонимии, как и археологические и антропологические свидетельства, не только подтверждают синтез этнокомпонентов в населении Севера, но и позволяют выделить отдельные ареалы с местной спецификой, прежде всего — запад, центр и восток, где этнические процессы шли по-разному, и по-особому складывался этнический состав жителей.

О различии населения Вологодского края в этих ареалах свидетельствуют данные историко-краеведческого характера. В них обращалось внимание на различия в физическом облике людей, на своеобразии характера и психического склада, образа жизни, нравов, обычаев, присущих жителям целых уездов, волостей, отдельных селений. Эти различия определяются особенностями этнической истории населения западных, восточных и центральных районов Вологодчины. Подтверждение находим в следующих материалах¹³. Так, по описаниям исследователей конца XIX — начала XX в., население Череповецкого края было уже «сплошь русским», но «следы чуди в его типах, обычаях, речи» оставались замет-

ными. Лишь у раскольников сохранился «чисто великорусский тип», а у остального населения от русских было разве что их «средний рост и долготерпение». Так как «нравы и обычаи народа зависят от климата и природы», то жители, например здешних болот, «унылы и вялы». В другом западном районе, в Устюжне Железнопольской, наличие природных железных руд и занятие железодельным промыслом наложило отпечаток на характер жителей. По местной поговорке, «Устюжна Железная, а люди в ней каменные» — это были кузнецы — расковщики с замкнутым и твердым характером.

«Неприветливым и угрюмым» находил народ некоторых волостей между Кирилловским и Кадниковским уездами (Огибалово, Чужга, Чарозеро, Дягилевы Горы — имение Голицыных) исследователь Севера А. А. Шустиков. По его наблюдению, в облике местных русских «чувствуется примесь карельской крови». У населения этих мест действительно был сильный «финский» компонент, а в глазах местных историков и краеведов потомки древней чуди заметно «уступали» славянам в культурном и физическом развитии. В соседнем Каргополье из-за смешения народов не было «чисто славянского типа», но тем не менее «каргополю» по физическим свойствам отличаются от карел: они «выше среднего роста, крепкого сложения, склонны к родству, полноте, добродушны, простоваты, они русые и рыжие, светлоглазые». Это «вобщем русский тип», а в народе облик каргопольца определяли так: «Красна рожа, рвана одежда, рот пол — верно, каргопол». В зависимости же от степени этносмешений в районах Каргополья и до сих пор различаются жители Лекшмозерья, Кенозера, Пачеозера. Но все они по историческому прошлому и экономическому развитию «тянут» к северным и восточным соседям (воложанам и архангельцам), а не к олонецким карелам.

Финские черты в облике жителей всех западных уездов Вологодского края со временем сгладились, а к славянским прибавились угловатость и скуластость, но у обоих народов здесь в основном светлые глаза и волосы. Там же, где преобладал «славянский компонент» (восток Вытегорского уезда), у жителей отмечался «рост выше среднего, волосы русые и темные, глаза светлосерые и карие; они добры, просты, радушны». Таковыми были русские на западе вологодских земель.

Но чем ближе к центральным районам Вологодской губернии, тем больше свидетельств «о здоровых и крепких русских»¹⁴, каковыми, например, были жители Вологодского уезда или обитатели Рабанги (21 деревня между Вологодским и Кадниковским уездами) на Сухоне. Славянские черты в характерах возобладали и у жителей Устья Кубенского (Кадниковский уезд): «они предприимчивы, как прежние новгородцы, богаты, «живут на городской манер», у них нет праздности и «любят разные нововведения». В целом кадниковский народ «религиозен, честен, трудолюбив, весел, склонен к шуткам». В его «обычаях много хорошего, гуманного, разумного». По физическому облику кадниковцы среднего роста, иногда высокие, телосложения крепкого и стройного, смуглые, русоволосые.

У народа в соседних тотемских деревнях «отклонений от общего русского типа нет», по наблюдениям исследователей края. «Они темнорусые, у них нет скул, нос умеренный, даже красивый». В Шуйской волости при тесной жизни этносов с древних времен произошло «их слияние в один народ», а преобладание культуры пришельцев было настолько велико, что коренные жители «утратили свое обличье, растворившись в пришельцах», правда, в их «наружности есть черты, которые говорят о их нерусском происхождении» («раскосые» глаза, рост ниже среднего, редкая и жесткая растительность на лице, скулы). Они «рознятся с соседями» (Грязновец, Солигалич): «Это видно в говоре, в способе ведения хозяйства, в их жилище». «Причиной благополучия шуйских крестьян было их происхождение от предприимчивых новгородцев, а затем — их жизнь в Ростовском митрополье» (см. ниже); с 1676 г. они стали монастырскими крестьянами, условия жизни которых были лучше, чем у помещичьих грязновецких крестьян. Точно так же в Бережнослободской волости Тотемского уезда крестьяне, «хотя грубы и дики», но не знали крепостничества, поэтому у них — «простота воли». В целом же тотемский народ «нрава миролюбивого, тихого, немстительного».

Нечто «финское» по «племени и характеру», наряду с преобладанием русского, оставалось у жителей и других центральных районов Вологодского края (в Лежской волости Грязовецкого уезда или на Кокшеньге Тотемского уезда, где люди отличались «особой суровостью характера»). Большое своеобразие в центре вологодских земель отмечалось у «кокшаров» — жителей Кокшеньги¹⁵, предки которых испытали влияние не только древней чуди и мери (XII—XV вв.), но и двух потоков славян — новгородцев и ростовцев. Этот народ жил в волостях по Кокшеньге, в местности между Илезой и Кортюгом, в соседних волостях по Уфтыге (9 волостей), и к концу XIX — началу XX в. здесь было 40 тыс. жителей. Кокшеньгские волости населялись из Новгорода. По наружности кокшары не отличаются от соседей, но «в их нравах и обычаях отличия сильные. Они здоровые, крепкого телосложения, сильные, ловкие, проворные, особого душевного склада». И в то же время их тип «похож на зырян». «Живут кокшары особняком, у них иные обычаи, нежели у соседей; к ним не проникает ничего чужого, от них же заимствуется многое» (обособленность — это свойство отдельных этнографических групп в каком-либо народе). «Чувствуется, что это потомки Новгорода (со времен Марфы Посадницы)». Все они называют себя «кокшары» — от «Кокшеньга» (иногда «Кокшельга»). Древняя «чудь», «чудин», по их мнению, — «невзрачный человек, обросший волосами, с белыми глазами, дикий», т. е. это не их самоназвание, а тех, кто долго сохранял «чудские черты» облика и характера. «Они ни праздника, ни воскресенья не знают, все на работе, либо в лесу, в церкви не бывают и молитвы не знают, тем более ни книг не читают, грамоте не знают». При всем этом у кокшар было больше новгородских черт и в характере, и в облике, чем древнечудских. Впрочем, кокшар, по местным преданиям, — это «бунтовщик, разбойник, головорез, но в сущности это трудолюбивые, энергичные, предприимчивые и сметливые люди». «Они красивы, смуглы, черноволосы, черноглазы».

Ближние соседи кокшаров по Вели и Кулою имеют с ними сходство во внешнем облике. «Это новгородцы, но как бы оцыганенные» — считали местные краеведы, поскольку часть жителей этих волостей «чудского происхождения». Такими же чертами обладали и обитатели верхней Ваги — «ваганы»: «толстобрюхий ваган роста среднего, телосложения крепкого и стройного; но господствующий цвет волос и глаз — беловатый» (от «чуди белоглазой»). «Обличье их овальное. Они смелы. К физическому труду привычны, проворны, любят петь». По верхнему Кулою жили такие же люди, и «по преданию, они вышли из карел и финнов».

Третью своеобразную группу вологодского населения составляет народ восточных Сольвычегодского, Великоустюжского и частично соседних с ними Яренского и Устьсысольского уездов¹⁶. Здесь с ранних периодов истории в тесном соприкосновении жили предки русских и коми, поэтому население обладало чертами обоих народов. Так, если в Кичменгском Городке (центр Великоустюжского уезда) «народ богобоязлив, трудолюбив, честен, чистоплотен, хорошо одет, живет богато и опрятно», то южнее, в Никольском уезде (часть бывшего Устюжского края) по границе с Вятской землей, «жители похожи на вятчан, ленивы, вороваты; их язык неправильный, нечистый». Как кичменьгско-городцы, так и жители Халезских Городков Байдаровской волости Никольского уезда «считают себя потомками новгородцев». Тем не менее черты финского характера у крестьян, как замечали местные исследователи в конце XIX — начале XX в., проявились явственно: «они больше любят охотиться, нежели работать на пашне, и очень привязаны к старине». А в характере и облике русских Сольвычегодска очень многое улавливается от новгородцев. Новгородскими по происхождению там считали себя жители строгановского селения Чернигова близ Сольвычегодска.

Соседние с ними устюжане, по обследованию медиков прошлого века, «вследствие отхода были умственно развиты». Здесь также не было крепостничества, поэтому у людей существовало «чувство собственного достоинства». Это население, «крепкое физически, нравственно и умственно, носит в себе зародыш нормальной здоровой (разумной) жизни».

С соседними зырянами на востоке Вологодской губернии у русских много

сходства во всем, основные же различия — в языке. Зырянские этнонимы «комиморт» и «зырэдэм» перешли в русский язык в форме «коми» или «зыряне» и обозначали их название.

Сравнивая русских и зырян в вологодских уездах, исследователи заключали: вологодские крестьяне — и русские, и коми — «отличались крепким телосложением, имели рост более средний, лица редко правильные». Исторические судьбы и жизнь этих народов, единые еще с XVI в., закрепили их сходство и не внесли резких различий не только во внешность, но и во все стороны жизни. Отдельными чертами облика и быта они, конечно, различались. Русские были «открыты и откровенны, размашисты даже в своих пороках; зыряне — недоверчивы, скрытны; первые — рассудительны, смыслены, любят новинку, уважают промышленность, деятельны; вторые — необщительны, слепо привязаны к родине и старине, честны в отношении к своему брату, но не таковы с теми, кого не знают, и враги всего чужого. В умственном образовании — преимущество у русских». Но у них, как отмечал Ф. Бунаков, есть большой порок — пьянство, который он относил к русскому народу в целом, что не соответствовало действительности. Его поразили «пивные праздники» в юго-западных вологодских уездах, но это общий для многих русских обычай, никоим образом не говорящий о пьянстве, а пивоварением славились многие русские деревни. Несмотря на пороки отдельных людей, «северные умельцы» во все времена сохраняли «свое мудрое терпение», высокую нравственность и стойкость, приверженность памяти и опыту своих предков. Формирование облика деятельного и энергичного северянина, его «исторического типажа», началось еще в XI—XII вв., когда предприимчивый промысловик и земледелец начал осваивать Север, а затем с XVI в. стал первопроходцем Урала и Сибири.

Итак, население вологодских уездов, как и всего Севера, было разным по этносоставу. Самый многочисленный из здешних народов — русские, хотя и составили единую севернорусскую общность, образовывали ряд локальных групп. Их локализация была обусловлена такими разнопорядковыми признаками, как территориальный, сословный, этнический и наконец конфессиональный. В целом русские Севера — это крупная этнографическая группа, в составе которой есть мелкие образования, отличающиеся самоназваниями, своеобразием хозяйственной деятельности и форм культуры¹⁷. Правда, в северной историко-культурной зоне было меньше этнических образований, чем в южнорусской зоне. Характер северной колонизации (незначительность правительственной, массовость крестьянской и монастырской) определил культурно-языковое единство населения Севера. Однообразный же характер сельскохозяйственной колонизации, в свою очередь, был обусловлен как естественными факторами — отсутствием путей сообщения (поэтому колонизация осуществлялась только по берегам рек, занятым населением иного происхождения), так и отсутствием правительственной помощи при стремлении земледельцев найти «лучшие» земли. На своем пути различные народные потоки зачастую не сталкивались и не объединялись, поэтому здесь и не сложилось резких этнографических и диалектных границ.

В XIV—XVI вв. на Севере существовали территориальные группы русских, именовавшиеся по местам их расселения (онежане, белозеры, двиняне и т. п.). В их состав вошли новгородцы, «низовское» население Древней Руси и другие этноэлементы. Из них лишь «ильменские поозеры» — наиболее прямые потомки древних новгородцев — сохраняли их физический тип и диалектные особенности новгородского говора. На формирование этих групп влияли как зональное их размещение, так и этнические компоненты в их составе.

К XIV—XVI вв. относится и существование в северодвинских землях «Ростовщины» (ростовских владений), клином врезавшейся в новгородское Заволочье. Население «Ростовщины» по происхождению было связано с «низовцами» и жило в Белозерье, на северо-восточном берегу Кубенского озера («Заозерье»), в северо-восточной части уделов ярославских князей (Бохтюжская волость Кадниковского и Авнежская — Грязовецкого уездов), в правобережье Сев. Двины с притоками —

Кокшеньгой, Велью, Вагой, Сухоной. «Ростовщина» на Сухоне заняла будущую Шуйскую волость Тотемского уезда — «Ростовское митрополье», и за здешними жителями закрепилось название «митрополь» (существовало в значении этнонима). Позднее они стали экономическими крестьянами. Таким образом, население «Ростовщины» можно считать локальной этнотерриториальной общностью и частично сословным образованием.

На Севере были и более крупные территориальные группы русских. К ним относятся известные «поморы» — потомки новгородцев, частично «низовцев», отличавшиеся от других северных русских хозяйственным бытом, но близкие к ним по народной культуре. В их среде сформировались две более мелкие группы — «усть-цилемы» и «пустозеры» на Печоре. По происхождению — это потомки новгородцев с некоторой примесью местных финно-угров, но по быту и те, и другие близки к новгородцам.

К этнотерриториальным образованиям можно отнести еще небольшую группу русских, живших в соседстве с вологжанами (население по реке Сить в Моложском уезде Ярославской губернии), известное своим самоназванием «сицкари». По формированию они связаны с ростово-суздальским продвижением на Север, но в них влились и другие этноэлементы. В удельное время их земли были славянскими (князей Сицких), в Смутное время сюда попала часть карел из-за Свейского рубежа, а в XVI—XVII вв. переселилась часть русских из Центра (московские ткачи-«хамовники»), позднее в XIX в. — снова карелы из Тверской и Новгородской губ. Из своего центра сицкари попали на Шексну и Мологу (в пределах Вологодской губ.), но тогда их обособленность уже была нарушена. Население же и Шексны, и Мологи приобрело от них «дзеканье» (западный элемент), «аканье», «цоканье» в говоре.

В северных уездах существовали еще небольшие группы русских, формирование которых не определялось участием этносов и характером этноконтактов. В языковом отношении на юго-западе Севера выделялась группа «ягутков» («ягунов»). Яго вместо *его* и каго вместо *кого* («кагоканье») — черты бурлацкого говора, проникшего в Череповецкий, Белозерский и Кирилловский уезды. Эта группа населения профессионального происхождения, связанная с бурлаками Волги и получившая свое название от прозвища.

Самым большим своеобразием в пределах рассматриваемых уездов отличались упомянутые «кокшары». Они составили специфическую этнографическую группу, вобрав в себя черты составляющих их этнокомпонентов. Их антропологический тип «проник» из Ростова — это так называемый «верхне-волжский» тип, распространенный у русских верхней Волги. От Новгорода они взяли «бойкий характер» и многие формы народной культуры (например, «гнездовое» расположение деревень в поселенческой культуре и др.), из диалектов — «вологодско-вятский», распространившийся от Белозерья по средней Двине к Вятке, но топонимия, как и все названия Севера, финно-угорская, а самоназвание «кокша», «кокшары» — от марийского «лысый», «сухой»; их земля входила в «Ростовщину», а затем здесь развилось дворцовое землевладение. Своим бытом, нравом и обычаями они значительно отличались от остальных вологжан и не воспринимали ничего «чужеродного».

Таковыми стали русские на Севере в конце XIX — начале XX в. В XX веке, особенно в его первой половине, состав населения северных районов мало изменился. В юго-восточной части вологодских земель, где сохранялись неосвоенные пространства, состав населения несколько изменился в связи с приселением в столыпинское время эстонцев, латышей, литовцев и белорусов (всего более 7 тыс. чел.), которые жили здесь компактно, не подселаясь в русские деревни. Проводимые после революции переписи населения 1920 и 1926 гг. фиксировали наличие представителей этих народов в вологодских районах¹⁸. Правда, самые многочисленные из них эстонцы, по данным 1926 г., составили в населении Никольского уезда только 0,61%. В западных уездах по-прежнему немногочисленными оставались карелы (0,3% в Череповецком уезде) и вепсы

(1,7% там же), а в восточных районах (Шонга в Устюжском, Пермас в Никольском) — коми-зыряне (0,1%).

В последующие десятилетия происходило подселение на Вологодчину ссыльных из разных регионов страны (1930-е годы); убыль общей численности населения в военные 40-е годы; оседание некоторой части мигрантов из областей и республик СССР в 1950—1980-е годы. Но по-прежнему область осталась русской по составу населения. Немногочисленные финно-угры при многовековом проживании в этих пределах рядом с русскими слились с последними, произошла нивелировка всех сторон жизни этих народов. Так, коми-зыряне в восточных вологодских районах стали считать себя русскими, у них появились русские фамилии, а в речи — звуки *ф* и *х*, отсутствующие в языке коми. Аналогичные процессы в этноразвитии произошли у вепсов и карел. Вепсы стали полностью двуязычными, а еще в 1920—30-е годы русским пользовались только мужчины (вепский язык уже с 1960-х г. применялся как разговорный). Младшее поколение вепсов целиком перешло на русский язык. Как у всей молодежи, их русский приобрел книжные обороты, тогда как язык старших поколений сохранил старые слова, много пословиц, поговорок, сравнений. Общим у этих народов стал не только язык, но и образ жизни, и важнейшие ценностные ориентации.

Единство развития и мирное существование народов на территории Севера, длившееся восемь веков, продолжается и теперь. Вот как сам народ говорит о своем мирном житье (Вологодское Присухонье — Брусенец):

Что́-бы, как все-ти страны, да жили бы в одно сердце!
С людям жить, дак язык надо находить¹⁹.

Кроме особенностей этнического характера, у севернорусского населения сложились и некоторые вероисповедальные отличия. Уже на ранних этапах истории народов Севера происходило распространение среди них христианства²⁰. То, что процесс христианизации начался здесь еще в древнерусский период, зафиксировали археологические памятники в районе Белозерья-Лачезера, где в погребениях того времени были найдены православные кресты и образки. В более поздних погребениях такие вещи исчезли, но появились предметы, относящиеся к «жертвенному комплексу» (дарам умершим). Эти находки свидетельствуют о культурном взаимовлиянии местных этносов. Анализ погребального культа (курганый и бескурганый обряд) Восточного Прионежья и Белозерья показывает «синтез черт народов», их быстрое смешение — при совместном проживании и процесс постепенной ассимиляции — при череполосном расселении.

Исторические источники вплоть до XVII в. говорят о постепенном характере христианизации жителей северных районов в период XII—XIV вв., а местами и в XVI в. В XVII в. появились новые свидетельства о религиозной жизни на Русском Севере. Церковный раскол привел к изменению состава населения по вероисповедному признаку. Здесь проходил путь к Белому морю, к Соловецкому монастырю старообрядцев, укрывавшихся от преследований власти. Беглецы наводнили олонечские, каргопольские, западные вологодские земли. Их кельи и скиты появились в глухих, почти непроходимых местах около маленьких речек и озер, где они, поселяясь, занимались рыболовством, сеяли хлеб. У них были свои настоятели. Наиболее известный из них Даниил Викулин (ученик Аввакума) дал начало целому направлению северного раскола — «даниловскому согласию», связи которого простирались по всему Северу, в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Это были беспоповцы поморского толка — раскольники, не признающие священства; в свою очередь они распались на ряд толков и согласий, получивших названия от имен расколоучителей. Самым крайним среди этих толков было скитское направление («странническое», «бегунское»), отличавшееся особым недоверием к остальным православным²¹.

В XVII в. оформились северные епархии (Устюжская, Вологодская, Холмогор-

ская), объединяющие и «дозирающие» верующих православного вероисповедания. В XVIII в. границы епархий слились с административными, и в целом церковное деление на Русском Севере совпало с указанными выше историко-культурными ареалами.

В XVIII—второй половине XIX в. население Вологодской губ. было преимущественно православным²². Источники того времени не обходят вниманием и раскольников. В отличие от «мирян», «мирских», у них, по сообщениям наблюдателей, развилась особая суровость и ненабожность, но последняя из-за отсутствия церквей у беспоповцев была чисто внешней. Староверы обособляли себя от «мирских» («табачников») и считали их живущими в грехе. В одной из народных песен Кокшеньги говорилось:²³

Там соседи табачники,
Соседки собачливы,
Встретятся, не поклонятся,
Встретятся, разругаются...
Вторая то треть деревня
Табакom забавляется...

Наряду с православием, бытовали остатки языческих верований. Они были сильны в местах, где рядом жили русские и финно-угорские народы. В Вытегорском уезде христианство, по наблюдениям местных исследователей, «менее влияло на сознание, чем некоторые языческие верования». Это видно, например, по распространенному в деревнях уезда своеобразному пастьушескому обряду. Некоторые языческие верования сохранялись и у кокшаров²⁴:

Во бору то родилися
Да деревьям то молимся...

Такая религиозная ситуация наблюдалась в северных уездах вплоть до 1917 г. После революции православной вере на Севере, как и повсеместно в стране, был нанесен урон: разрушались храмы и монастыри (последних в Вологодской губернии еще в 1912 г. было 21), физически уничтожались и ссылались церковнослужители и верующие. В 1920—1930-е гг. здесь оживилась деятельность протестантских сект, появились и новые течения старой веры, например «ерофевщина» в Никольском районе. В канун «года великого перелома» в деревни Вожегодского района наведывались беглые священники, которые скрывались у жителей и исполняли требы на дому. Население еще отмечало свои православные праздники, особенно престольные и общецерковные (Рождество, Пасху, Троицу), или бытовые — «метеорологические» (по случаю удачной погоды, а следовательно, хорошего урожая), еще знало своих местных святых (их здесь было до 1000), но после 30-х годов «победил» атеизм. Конечно, в народной среде сохранялась память о православной вере, вере своих предков, и в последующие десятилетия (1940—1980 гг.), а в конце 1980-х — 1990-е годы началось религиозное оживление. Сейчас церкви возвращаются утраченные храмы и монастыри. В народе наблюдается стремление к духовно-православному возрождению.

Подводя итоги исследованию характера и особенностей населения Вологодского края в связи с его этнической историей, можно отметить, что здесь оформились три ареала: западный, центральный и восточный. Такое деление совпало с этнографическими, антропологическими, диалектными зонами на этой территории. Их формированию способствовало некоторое природно-климатическое разнообразие, определенное социально-экономическое развитие отдельных районов, различия в этнических процессах. Общим в их истории и судьбе был мирный народный характер заселения Севера в ранние времена, приведший в последующие периоды к таким же мирным отношениям народов, живущих на Русском Севере. Особое значение приобрело то обстоятельство, что по этой земле

в период ее интенсивного освоения прошла граница между двумя формами социально-экономических отношений — классическим поместно-вотчинным землевладением с крепостничеством и государственным феодализмом с относительной свободой «государевых» крестьян. Наряду с различиями в этнической истории, развитие народов в рамках разных социальных систем привело к локальному разнообразию в жизни и культуре населения Русского Севера.

Примечания

¹ Кузнецов К. С. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. 1905. № 2, 3; Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 206, 209; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 97, 347, 355.

² Очерки по истории колонизации Севера. Вып. I. Пг., 1922. С. 60; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 194; Башенькин А. Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V—VIII вв. // Проблемы историко-культурного и историографии Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 19—20.

³ Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 29. М., 1952. С. 40; Башенькин А. Н. Археологические источники о сельских поселениях // Родословие вологодской деревни. Вологда, 1990. С. 27—28.

⁴ Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. Ч. II. М., 1850. С. 61—63.

⁵ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950; Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1950; Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959.

⁶ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 109.

⁷ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 19.

⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 1. Тетр. 2. СПб., 1899. С. 104; Т. 7. Тетр. 2. 1904. С. VI; Т. 10. 1904. С. VI; Т. 26. Тетр. 2. 1903. С. X; Т. 27. Тетр. 1. 1899. С. VIII; Т. 31. 1904. С. VI; Т. 32. 1903. С. X; Архив Академии Наук (далее — ААН). Ф. 135. Оп. 3. Д. Д. 186—202.

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.; Госкомстат. 27. № 26. 1989. С. 3—13.

¹⁰ Витов М. В. Русские Севера в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов) // Вопр. географии. М., 1970. Т. 83. С. 162—172; Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2. С. 60; Ефименко П. С. Заволоцкая чуда. Архангельск, 1869. С. 41; Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990. С. 125—134; Жеребцов Л. П. Историко-культурные взаимовлияния коми с соседними народами. М., 1982. С. 45—72.

¹¹ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // Вопр. языкознания. 1965. № 5. С. 45—54.

¹² Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопр. языкознания. 1964. № 2. С. 82—83; Чайкина Ю. И. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности Русского Севера в XVI—XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 74; Судаков Г. В. Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI—XVII вв. // Там же. С. 75—84; Образование севернорусского наречия и средне-русских говоров. М., 1970. С. 225, 286—289; Архив Русского Географического общества (далее — АРГО). Р. I. Д. 2. Л. 12; Р. 24. Д. 25. Л. 105; Р. 7. Д. 69. Д. 3—4; Д. 62. Л. 26 об.; ААН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 190. Л. 3; Гос. Архив Вологодской обл. (далее — ГАВО). Ф. 4389. Оп. I. Д. 206. Л. 40—42; Ф. 652. Оп. I. Д. 63. Л. I.

¹³ АРГО. Р. 24. Д. 5. Л. I. РЭМ (Русский Этнографический музей). Ф. 7. Оп. I. Д. 877. Л. 8; ГАВО. Ф. 4389. Оп. I. Д. 146. Л. 17; Д. 208. Л. 10—12; Д. 219. Л. 9; Д. 220. Л. 56.

¹⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. I. Д. 179. Л. I; Д. 206. Л. 19—26; Д. 218. Л. 63; РЭМ. Ф. 7. Оп. I. Д. 346. Л. 3; АРГО. Р. 7. Д. 69. Л. 3—4.

¹⁵ Вологодские губ. ведомости (далее — ВГВ). 1847. № 35. С. 343—345; 1857. № 21. С. 127; 1865. № 46. С. 436; ГАВО. Ф. 652. Оп. I. Д. 62. Л. 4 об.

¹⁶ ВГВ. 1846. № 13—14. С. 139; 1848. № 36. С. 408; 1855. № 27. С. 235; 1885. № 44. С. 8; 1912. № 16. С. 403—404.

¹⁷ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 31; Зеленин Д. К. Великорусские говоры. СПб., 1913. С. 363—369; 509; Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 175—176.

¹⁸ Российский гос. исторический архив (далее — РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 322. Л. 2 об.; ААН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 382, 405, 682; АРГО. Ф. 2. Оп. I. Д. 223, 439, 497, 602; Ф. 24. Оп. I. Д. 105. Тетр. 3. Л. 126—136; ГАВО. Ф. 4389. Оп. I. Д. 215. Л. 21.

¹⁹ Тутунджан Д. Листы-разговоры из серии «По правде, по совести» // Вологодский гос. музей-заповедник. Экспозиция 1991 г.

²⁰ Макаров Н. А. Население... С. 27, 29, 32, 43—44, 128.

²¹ Дружинин В. Г. Старообрядческая колонизация Севера // Очерки по истории колонизации... С. 69—75; Ончуков Н. Старина и старообрядцы // Живая старина. 1905. Вып. III—IV. С. 273; Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. С. 92.

²² Арсеньев Ф. А. Отчет о занятиях Вологодского губернского статистического комитета за 1879 г. // Вологодский сборник. Вып. 2. Вологда, 1881. С. 15.

²³ ГАВО. Ф. 652. Оп. I. Д. 62. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 2.

Population of the Central regions of the Russian North (XII—XXth centuries)

The article is a short essay on the ethnic history of the North of Russia; particular attention is paid to the Russian population of the central part of the area. Three areals of the northern Russian culture are singled out within the region.

I. V. Vlasova

© 1995 г., ЭО, № 2

А. А. Зубов

О ФИНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (по данным Российско-Финляндской экспедиции 1991 г.)

Наличие финского антропологического компонента в составе русского населения северных и северо-западных областей России давно известный факт, который как будто не нуждается в новых доказательствах. Однако более углубленный подход к проблеме выявляет много неясного в деталях, относящихся к характеру процессов метисации славянского и финского населения на этой территории в течение ряда веков начиная с конца I тысячелетия н. э. (ориентировочно VIII в.), а также вскрывает некоторые разногласия и противоречия в ходе сопоставления данных отдельных систем антропологических признаков. Все это обязывает антропологов снова и снова обращаться к исследованию северных регионов России, причем внимание к таким исследованиям проявляется, как российскими учеными, так и их коллегами из Финляндии, заинтересованными в детальной разработке проблем этногенеза финно-угорских народов и их ближайших соседей.

Сотрудничество между антропологами России и Финляндии осуществляется уже в течение 28 лет, с тех пор как в Финляндии были проведены в 1967 г. первые совместные работы. В последующие годы объединенные Российско-Финляндские экспедиции обследовали ряд этнических и территориальных групп населения в обеих странах. В 1969 г. большая международная группа исследователей (включая российских) работала в Финской Лапландии в районе озера Инари, в 1970 г. была организована совместная экспедиция в Марийскую республику, в 1974 г. — в северо-восточные районы Финляндии, в 1976 г. — в Республику Коми, в 1978 и 1982 гг. были осуществлены выезды со сбором материала в различные районы Финляндии.

Основной темой работ был этногенез финно-угорских народов, но одновременно нельзя было обойти стороной также некоторые соседние регионы, населенные представителями других этносов и являвшиеся в разное время ареной сложных метисационных процессов, в которых принимали участие финно-угры, нередко формировавшие субстратный слой, будучи аборигенным населением. Так, в 1983 г. было исследовано несколько групп башкир, в антропологическом составе которых выявлен финно-угорский компонент, а к 1991 г. сформировалась представитель-